Марков Сергей 2.10.96.

Даты Моск. правда. – 1996. – 1 окт. – с. 6.

Сергей Марков: неудачник или победитель?

Исполнилось 90 лет со дня рождения Сергея Маркова (12.9./30.8./ 1906, посад Парфентьев, ныне Костромской обл., - 4.4.1979, Москва). Широкий читатель плохо знает Маркова. Юбилейную дату в календаре ИТАР - ТАСС не обнаружишь. Вот если бы по «Юконскому ворону», роману о русском первопроходце Аляски лейтенанте Лаврентии Загоскине и его приключениях, поставить трехсерийный фильм да показать по TV, публика кинулась бы не только разыскивать «Ворона», но полистала бы и стихотворный сборник. Уверен: никто б не разочаровался.

Страстью поэта была география: редко попадется у него стихотворение, где нет топонимов. Он был патриотом. И не притворой карьерно-советским, и не породы «за родину пасть порву», что расплодилась сейчас. Просветитель. Певец степенной провинции, азиатских окраин. Поморья. Мечтатель, молящийся на карту. «Земля российского владения» - пишу на мраморной скале». Он, наверно, не раз вздохнул об утере Аляски. Хотя, на мой взгляд, немереные просторы - это наша пагуба.

Москвичи должны узнать, что Маркову обязаны воплотившейся в жизнь идеей восстановления Триумфальной арки. Как рассказывает Галина Петровна, вдова поэта, обломки разрушенной арки попались ему на территории Донского монастыря. Это глубоко взволновало Сергея Николаевича. Он отправлял в инстанции письмо за письмом...

Как настоящий русский человек, он был лишен национальных комплексов. Посвятил восторженные стихи «цыганскому вождю»: «В тепле заморской синевы пусть расцветет она - под покровительством Москвы цыганская страна!». Получив жилье на Грузинах, вспомнил айсоров, нашедших приют в Москве: «Здесь жен проигрывали в карты, не дрогнув синевой ресниц, а жены были, как Астарты, с осанкою крылатых львиц!». Писал о казахах и китайцах; повторял по-киргизски «ой, меным хасретым (горе мое)!». Кое-кто хотел бы разглядеть в нем юдофоба, а он вдруг своему давнему знакомцу Арию Ротницкому процитировал «Книгу Бытия» в оригинале: «Не ждал такого чуда, - мне Арий говорит, - помилуйте, откуда вы знаете иврит?». У него есть строки о чеченцах, высланных в Караганду...

Кабинетный труженик, книгочей, он был лириком затаенно-сдержанным и одновременно красочно-чувственным в своей эротике: «Только я заметил у любимой золотые точки возле губ!». Изобразил сцену свидания глазами цветка, левкоя: «Он слышал вздох и поцелуй, его тревожили объятья, он видел тени на полу и ворох сброшенного платья».

Судьба Сергея Маркова сложилась несчастливо. 10 апреля 1932 года в хлопковом колхозе под Джаркентом, где копил исторический и бытовой материал для рассказов и стихов, он был арестован по грубо сшитому фальшиво-смехотворному обвинению. Чуть раньше, 18 марта, сотрудники оперативного отдела ОГПУ при обыске по адресу: Кунцево, Почтово-Голубиный т.(тупик?), 11, изъяли его рукописи. По приговору ОСО Марков отбыл три года ссылки на Севере. С 1937-го скитался по Подмосковью, имея поражение в правах (запрет жить в столице). Был призван в армию рядовым. После войны получил крохотную квартиру в Москве. Первый этаж, без ванной. По адресу: Беговая, 1-а, к.7, кв.7. Это была окраина. Сохранились «домашние», очень грустные и не вошедшие в сборники стихи:

Меня Фадеев поселил
Вблизи ваганьковских могил.
Я полон тихого восторга!
И жить, и умирать легко...
За мной ходить недалеко
Теперь до Боткинского морга.

С тех пор, как побывал в карцере на Лубянке, Марков страдал опоясывающими болями, стал, по сути, инвалидом. Первую книгу «Радуга-река» издал только в сорок лет, в 1946-м. Ее рекомендовал Антокольский, Сельвинский написал щедрую «внутреннюю рецензию», по достоинству оценил поэзию Маркова. («Убежден, что выход книжки С. Маркова поставит его имя в первый ряд советских поэтов»). Протянув нити к Гумилеву, Клюеву, Киплингу, Сельвинский декларировал «советскость» Маркова, «идейные» преимущества над предшественниками, которым, по тогдашним установкам, вменялись разные «грехи»: Гумилеву - эстетство, Клюеву - кондовость, Киплингу - «хищничество» колонизатора, «империализм». Сельвинский, конечно же, понимал: без таких оговорок похвалы, того гляди, напугают издательство. Вышедшая книга подверглась оглушительной критике: Марков едва не оказался в тюрьме вторично.

Был ли Марков «советским» поэтом? Советскость существовала в разных уровнях. На ее левом фланге высился поэтически неуязвимый Маяковский: «Я хочу, чтоб в конце работы завком запирал мои губы замком». И немудрено, что он трагически надорвался (к этому примешались эротические фиаско). А на правом? Мандельштам в трудную, роковую минуту жизни готов был сдаться на милость победителя: «Я должен жить, дыша и большевея...» (1935). Вот и пойми, где в нашей поэзии вера в социальные (коммунистические) идеалы и где просто сублимация смертного страха. Пастернак в 1931-м написал о вечном, упирающемся в тупик умственной лени соблазне «труда со всеми сообща и заодно с правопорядком». И о величье дня. Может, и Марков способен был почувствовать так же; правда, когда эти стихи появились в печати, он сидел во внутренней тюрьме на Лубянке.

Бенедикт Сарнов в книге «Заложник вечности» (1990) изложил любопытную историю о следователе, который после 1956 года готовил реабилитацию казненного Мейерхольда. Следователь спросил у Пастернака, был ли тот другом великого режиссера. «Что вы! - удивился поэт, - я никогда не был достаточно советским человеком для этого». Там же приводится фраза из письма Пастернака: «Леф удручал и отталкивал меня своей избыточной советскостью».

Среди стихов Маркова есть резкий «Мой ответ» (1928) лефовцу, не гнушавшемуся доносов-анонимок - своего рода «избыточная советскость».

В поэзии Маркова отсутствует коммунистическая риторика, что само по себе было проявлением мужества. Его единственная «Песнь о Ленине» (1927) ориентально стилизована в большей степени, чем тихоновский «Сами»: лишь из заголовка понятно, что речь идет о смерти вождя пролетариата. Марков не участвовал, как почти все поэты его поколения, в создании культа Сталина. Не прославил тирана и тиранию. Возможно, он уже в 30-е годы догадывался о подлинных масштабах безжалостных репрессий, жертвой которых стал сам. Возможно, не сразу, но понял, что виновность и невиновность арестованного значения не имеют.

Пожалуй, он, историк, больше любил иные эпохи, но возможности поменять на них свою обычно не имеется.

Арестованные рукописи пролежали на Лубянке 64 года. В 1995-м их вернули вдове. 24 августа с.г. мы опубликовали стихотворение «Расстрел Гумилева». Здесь печатается «Сексотка». При жизни автора не публиковалось. Было с голоса записано в его поздние годы с ошибками памяти и пропусками. В таком виде вышло в «Дне поэзии-1980» под названием «Конец авантюриста. 1921 год». Главным редактором сборника была Лариса Васильева. Ей хотелось напечатать «Сексотку», но «Сексотка» не проходила; она предложила другое название. И в тексте «сексотку» подменила «красотка». Впоследствии появилось в одной из газет, с прежними ошибками. У нас дается по автографу, сохранившемуся в архиве ГБ. Во время ареста стихи должны были подтвердить симпатии автора к белому движению. Существовали ли эти симпатии, нет ли? Яснее другое: Сергей Марков поэтически разработал запретную тему тайного доносительства, пронизавшего жизнь послеоктябрьской России и ставшего одним из инструментов большого террора. «Планы диверсий», «дислокация частей», бомба, брошенная в «Центропробку», - все это, конечно, из области шпионской романтики. Оттуда же и подложный паспорт в подметке (невинные способы обмана цензуры). А вот сексотка... Не о таких ли писал Солженицын в «Архипелаге»: «Среди дворянских и офицерских жен и дочерей не в редкость были женщины выдающихся личных качеств и привлекательной наружности (...). Они предложили себя ЧК-ГПУ как осведомительницы (...) Это были плодотворнейшие из осведомителей! Они много помогли ГПУ, им очень верили «бывшие»...».

«Запасный полк» дан по автографу, который поэт подарил публикатору в 60-е годы. В подцензурных сборниках печатался без последней строфы (здесь, кажется, единственный раз помянут Сталин).

Сергей МАРКОВ

СЕКСОТКА

Через реку на черной лодке,
С подложным паспортом
в подметке
Я плыл в Россию как домой.
Всю жизнь не подводила водка,
Глотал ее, как соль селедка,
А вот прекрасная сексотка
Меня сосватала с тюрьмой.

Даю вам в этом, судьи, слово -
Бродил от Данцига до Львова,
Но не встречал такой красы.
Увидел раз и встретил снова,
Не бровь, а черная подкова,
Под красной шалью две косы.

По темным улицам ходили,
Сидели в тихом «Пиккадилли» -
Трещал мерцающий экран.
На нем в столбах высокой пыли
Бандит летел в автомобиле,
Над ним кружил аэроплан.

Прошла счастливая неделя,
И в темной комнате отеля
Мы целовались неспроста.
Себя ругал я: пустомеля,
Не видел этакого зелья,
Ведь похоронят без креста.

Она шептала мне: «Доверься,
Люблю до гроба».
Без затей
Я выдал планы всех диверсий
И дислокацию частей.

Наутро окна стали мглисты,
И осторожные чекисты
Отмычкой открывали дверь,
Потом, нажав на все регистры,
Вошли, учтивы и речисты,
Что делать, думаю, теперь?

Один спросил, садяся рядом:
«Не вы ль с карательным отрядом
Пришли однажды на Мезень?
И там, командуя парадом,
С английским капитаном рядом
Пугали город целый день?

Но чур не врать! Нажмем
на кнопку,
Кто брал под Оренбургом сопку
И был представлен Колчаку,
Кто динамит подсунул в топку,
Кто бомбу бросил
в Центропробку
И скрылся с пулею в боку?

Теперь пойдемте с нами бриться,
Вас ждет прекрасная светлица
С прекрасным видом из окна,
Натерта воском половица,
Ты не устанешь нахваливаться:
Везде покой и тишина».

Она, наверно, хохотала,
А в коридорах трибунала,
Где с вечера ходил народ,
Старуха квасом торговала...
Гремел о кознях капитала
Судья, меня вгоняя в пот.

И прокурор встает - высокий,
В чернилах вымазаны щеки,
Лицо, как синяя печать.
И, открывая рот широкий,
Цедит оборванные строки
И заключает: «Расстрелять!»

А в зале - крашеные губы,
Ячменной гущей пахнут шубы,
Наперевес тяжелый штык.
Сейчас невольно стиснешь зубы,
Считая версты, дни и трупы,
Тяжелый подавляя крик.

Мгновенье классового гнева
Пришло... Равнение налево!
Не спотыкаться, милый друг,
Зерном могильного посева,
Свинцом последнего напева
Отмечен тягостный испуг.

А вы, противники, хотя бы
Уведомили наши штабы,
Что я покинул этот свет,
Попавшись глупо из-за бабы,
И хоть и все мы в этом слабы,
Солдатской чести в этом нет.

(Не позже 1931).

ЗАПАСНЫЙ ПОЛК

Воют чахлые собаки,
Будто взять не могут в толк -
В славный город Кулебаки
Входит наш запасный полк.

Светит синенький фонарик
И мигает, чуть дыша...
Хоть бы вынесла сухарик
Пролетарская душа!

Как на грех, сползла обмотка
И шагаешь ты, скорбя,
Что пригожая молодка
Косо смотрит на тебя.

Скоро ты поймешь простое
Недовольство милых уст -
Неудобство от постоя
И карман солдатский пуст.

Тихий шепот у завалин.
Будешь весел без вина.
«Дорогой товарищ Сталин» -
Петь заставит старшина.

(1941)

Вступительная статья и публикация ВЛАДИМИРА ПРИХОДЬКО.